DOI: 10.31860/978-5-918680-384-433-458

О ПИСЬМЕ П. И. ШКУРАТОВА А. В. ХРАБРОВИЦКОМУ ОТ 16 ИЮЛЯ 1970 г.

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. Е. Шапа)

Аннотация: Публикуемое письмо проливает свет на некоторые события из жизни писателя Ф. Крюкова и его родных. Уточняются детали «отступа» семейства Крюковых осенью 1919 — зимой 1920 года. Устанавливаются предварительные обстоятельства смерти писателя и его захоронения.
Ключевые слова: Ф. Крюков, арест, «отступ», болезнь, похороны.

Abstract: The published letter sheds light on some events in the life of the writer F. Kryukov and his family. The details of the "retreat" of the Kryukov family in the fall of 1919 — winter of 1920 are being clarified. The preliminary circumstances of the writer's death and his burial are established.
Keywords: F. Kryukov, arrest, "retreat", funeral.

Хранящееся в Санкт-Петербурге, в Рукописном отделе Пушкинского Дома (р. I, оп. 36, ед. хр. 207), письмо А. В. Храбровицкому[1] в свое время безуспешно пытался найти шолоховед и директор ИМЛИ РАН Феликс Кузнецов:

> «"Воспоминания" Шкуратова, на которые опирается, как обычно, без всякой ссылки, Р. Медведев, нами не обнаружены. Его письмо Храбровицкому найти также не удалось».[2]

Письмо с воспоминаниями о Федоре Дмитриевиче Крюкове написано Прохором Ивановичем Шкуратовым (1889—1973), когда ему было 80 лет. Из уважения к преклонному возрасту сделаем скидку на довольно низкий уровень грамотности письма, хотя корреспондент причислял себя к сонму литераторов — сообщается, что он работает над 4-томным автобиографическим романом «Павел Курганов».

---

[1] *Храбровицкий Александр Вениаминович* (1912—1989) — журналист, литературовед, исследователь творчества В. Г. Короленко. Посмертно опубликована книга: *Храбровицкий А. В.* Очерк моей жизни. Дневник. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

[2] См.: *Кузнецов Ф. Ф.* Судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Глава «Писал ли Крюков "большую вещь"?».

© Шап И. Е., 2023

Кем Шкуратов приходился Крюкову? Пока сказать трудно, хотя в одном случае мелькнуло слово «племянник». Видимо, если он и был каким-то реальным родственником писателя, то это «седьмая вода на киселе».

Слова «племянник» и «дядя» у Шкуратова на бумаге нигде не проскакивают, он произносил их устно в беседах с будущим литературоведом, кинодокументалистом Виктором Ивановичем Лысенковым (1936—2012), тогда еще студентом 3-го курса университета, в Душанбе в 1957 г. И даже показывал студенту поздравительную открытку 1907 г., подписанную розовыми чернилами якобы Крюковым:

> «Дорогого племянника поздравляю с Рождеством Христовым. Ф. Крюков».[3]

Не видя эту открытку, судить о ее подлинности мы не можем, особенно если знать, что имеем дело со столь неоднозначной личностью, как Прохор Шкуратов. Отметим, что в присутствии других людей и при других обстоятельствах в словах Шкуратова факт родства с Крюковым не фигурирует, о «племяннике и дяде» больше нигде не упоминается. Да и сам Федор Дмитриевич не торопится записывать Шкуратова в родственники. В статье «Делегат-просветитель» (Вольный Дон. 1917. 24 мая. № 38) Ф. Крюков вспоминает о событиях прошлых лет (судя по контексту, это 1907—1908 гг.) и пишет следующее:

> «Помнится, один молодой станичник, любитель чтения, взял из моей библиотеки переплетенный комплект “Журнала для всех” за старые годы. Прочитал и расписался на обложке, по слабости к перу (как это бывает) у иных читателей-самоучек. — *“Сию книгу читал Прохор Шкуратов, станичный социалист”*. Так эта крамольная надпись годы оставалась незамеченной, пока книга не попалась из рук другого юного читателя в руки тогдашнего станичного атамана Ананьева, зоркий глаз которого сразу усмотрел на обложке “станичного социалиста”».

Так что более точное определение связи Шкуратова с Крюковым можно сформулировать так — «духовный воспитанник», что подтверждается словами самого Прохора Ивановича:

> «...начал свою работу под руководством Донского Народника — писателя Федора Дмитриевича Крюкова...»;[4] «Я станичник, друг, ученик, соратник Крюкова, такой же как и он — народник, “старой формации”, человек...»[5]

---

[3] *Лысенков Виктор.* «Тихий Дон» // Спецназ. 2000. № 3 (42). URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/td/?pid=0231 (дата обращения: 11.11.2023).

[4] Из заявления П. Шкуратова в Московский комитет Политического Красного Креста (МПКК) от 28 дек. 1922 г. // ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 5, л. 311—312.

[5] *Шкуратов П. И.* Федор Дмитриевич Крюков. Отрывок воспоминаний // ОР РГБ, ф. 838, оп. 20, ед. хр. 9.

Немного о самом Шкуратове. Он родился в Глазуновской станице Области Войска Донского (ОВД) в семье староверов. Судя по всему, Прохор был сыном местного беспоповского начетчика (проповедника). Начального образования не получил — очевидно, семья придерживалась традиций старообрядчества и не отдала ребенка в государственную школу или училище. Кстати, в Глазуновской станице около $^{2}/_{3}$ жителей были староверами (эхо раскола после церковной реформы Никона, когда староверы бежали на Дон). В начале XX века в Глазуновской станице существовала старообрядческая школа, только вот когда она открылась, мне выяснить не удалось. Почему-то Шкуратову пришлось заниматься самообразованием.

В 1908 г. он вступил в Партию народных социалистов, «сотрудничал в эсеровской газете "Голос Донской земли"» (издавалась в Ростове-на-Дону с 7 окт. 1917 г., ред. С. П. Швецов). В 1920 г. участвовал в поволжских восстаниях, затем перешел на нелегальное положение и жил по чужим документам. В марте 1922 г. хотел перейти границу с Польшей, но в последний момент передумал, вернулся и добровольно явился в киевскую ЧК. Свое возвращение он аргументировал так:

> «Учитывая Правительственные декреты, воззвания и распоряжения, в которых определенно говорится о полном забвении увлечений повстанцам, добровольно явившимся, я думал, что работа в России для меня найдется, и что ни в какой мере Советская Власть за прошлое мстить не намерена. Вот главные причины, заставившие меня добровольно отдаться в руки Советской Власти».[6]

Справедливости ради отметим, что в 1921—1923 гг. тысячи и тысячи эмигрантов «клюнули» на официальные «примиренческие посулы» большевиков и вернулись на родину. Большинство из них сразу же подверглось репрессиям.

Шкуратова после ареста отправили в Москву, где заключили в Сокольническую тюрьму. 5 окт. 1922 г. его приговорили к пяти годам тюремного заключения. По сумме пяти арестов он отсидел в советских тюрьмах и лагерях 18 лет. Реабилитирован в 1957 г. Про личную жизнь Шкуратова мало что известно — якобы имел пятерых детей от нескольких женщин. Умер в 1973 г. в доме престарелых инвалидов в поселке Большаково Калининградской области.

К слову, в заявлении в МПКК весьма сомнительно сообщение Шкуратова:

> ...за свою социалистическую и партийную работу я сидел по царским и деникинским тюрьмам.

---

[6] Из заявления Шкуратова в Московский комитет Политического Красного Креста (МПКК) от 28 дек. 1922 г. (см. сноску 4).

Очевидно, это было сказано, дабы показать, что ему «досталось на орехи» как от царского режима, так и от «белых» администраций.

Проведу обзор имеющихся воспоминаний Прохора Ивановича Шкуратова с остановкой на «проблемных» и заслуживающих внимания местах. Цитаты будут приведены с сохранением орфографии. Особенностью этой машинописи является множество кавычек, расставленных через пробелы, что мешает точному пониманию их принадлежности; также присутствует большое количество многоточий, которые, видимо, из-за подслеповатости Шкуратова нередко набраны запятыми. Эти недочеты при цитировании будут убраны. Все другие написания сохраню, как в оригинале.

В письме Храбровицкому на первой странице Шкуратов сообщает о беде, случившейся с родным братом Федора Крюкова — Александром, ученым-лесоводом:

> «В 18 году семья получила из Брянских лесов телеграмму — СОС: «— Немедленно выезжайте — с Сашей случилось несчастье».

Очевидно, телеграмма была отправлена его женой. А. И. Солженицын, читавший эти воспоминания Шкуратова, позаимствовал для своей работы сей эпизод:

> «Но постучал коридорный — и подал ему другую телеграмму. Из Брянска: “Александр убит взбунтованными рабочими. Шура”».[7]

П. Шкуратов со своим братом (был ли с ними Ф. Крюков?) отправились на Брянщину и по приезду на место застали такую картину:

> «Лесной Кардон — дом разграблен — сожжен, посреди двора разбитая рояль и обстановка: поработал “народ богоносец” — “революционные мужички”, в сарае ютятся помешавшийся Саша, его жена — фребеличка Шура и их сын 4-х лет Митя (он жив до сих пор)».

Странно, что Прохор Шкуратов упоминает только одного ребенка — Дмитрия, а младшую Веру не называет. Есть известное фото из газеты «Донская волна» (1918. 18 нояб. № 23), где Крюков держит на коленях девочку. Под снимком подписано: «Ф. Д. Крюков с племянницей (последняя фотография)».[8] Так вот это и есть Вера.

«Фребеличка Шура» (жена Александра Дмитриевича Крюкова) — это Александра Григорьевна Крюкова, урожденная Чебакова (ум. в 1953 г.). Фребелички — термин, которым называли воспитательниц детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога

---

[7] *Солженицын А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2009. Т. 16: Красное колесо. Узел IV, кн. 2. С. 314.

[8] «Донская волна»: URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/73357-23-18-noyabrya#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 11.11.2023).

Фридриха Фребеля (фактически советские и российские «детские сады» — это воплощение его теории дошкольного воспитания).

Далее в письме идет информация, которая ранее нигде не звучала:

> «Тихо помешанный Александр умер через полтора года в Усть-Медведицком монастыре на руках старшей сестры глухо-немой Дуни».

Здесь Шкуратов не совсем точен: назвать Евдокию Крюкову глухонемой можно с определенной натяжкой — она разговаривала «своим особым, понятным только ее семейным, да близким соседям, языком».[9] В семилетнем возрасте во время масленицы ее сбила и переехала санями перепуганная тройка лошадей. По другой версии:

> «Ей было пять лет, и она попала под телегу. Колесо переехало через ее голову. С тех пор она попортилась языком и оглохла».

Развивая тему расстройства психического здоровья Александра Крюкова, автор делает намек, что здесь не последнюю роль сыграла семейная наследственность:

> «Тут надо бы коснуться и семейной трагедии — наследственности от отца Дмитрия Ивановича (ум. в январе 1894 г. — *И. Ш.*), но это заведет слишком далеко в сторону и оставляю для романа или — воспоминаний, но сразу-же надо сказать: Федор был очень здоровый и весь в мать...»

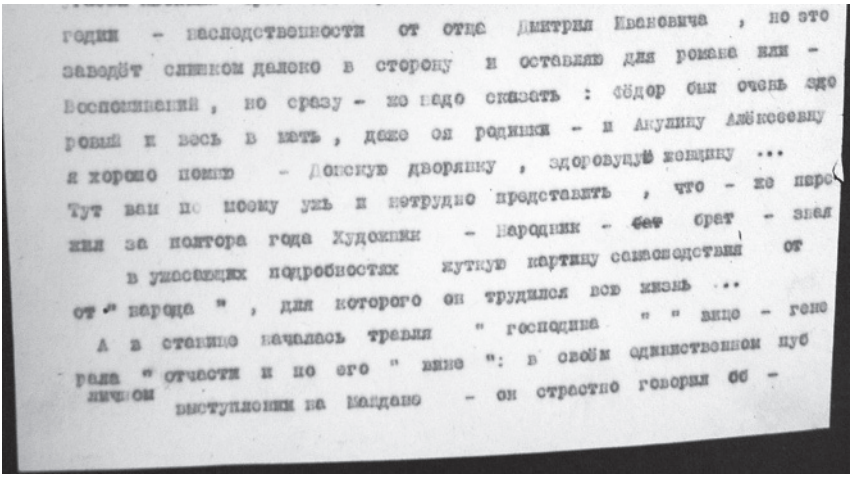
И в почтенном своем возрасте Шкуратов все еще планировал писать роман и воспоминания. Объясню читателю, почему я решил не приводить его письмо (19 страниц машинописи) целиком. Язык изложения этих воспоминаний во многих местах «тарабарский». Не всегда понятно, что к чему соотносится, о ком и о чем идет речь. Поэтому возьму на себя труд «профильтровать» содержание и попытаюсь отделить зерна от плевел.

Для понимания читателем степени замусоренности текста приведу фрагмент концовки 1-й и начала 2-й страниц письма:

> «Тут вам по моему ужь и нетрудно представить, что-же пережил за полтора года Художник — Народник — брат — знал в ужасающих подробностях жуткую картину сумасшедствия от “народа”, для которого он трудился всю жизнь...
>
> А в станице началась травля “господина” “вице-генерала”[10] отчасти и по его “вине”: в своем единственном публичном выступлении на Майда-

[9] См.: *Крюков Петр*. Два ареста Ф. Д. Крюкова / публ. Андрея Чернова // URL: https://wp.me/p2IpKD-2MT (дата обращения: 11.11.2023). См. также сноску 12.

[10] Почему такое звание Крюкову «присвоил» Шкуратов, непонятно, впрочем, он и Лысенкову «говорил о хаотическом отходе белой армии, когда никому ни до кого не было дела, даже до *полковника* (по словам Прокоп Ивановича, такое звание было в то время у Ф. Крюкова)».

не — он страстно говорил об — обязанностях перед Россией и РУССКОЙ Революцией, предостерегая от “заморских” лозунгов — чуждых Русскому народу... А.. “народ безмолствовал” и распоясалась станичная “крещеная сволочь” тяжелая это и длинная история и коснусь главного:

Был такой переходный период когда он должен был скрываться и он ушел в степь к своему гумну. Приехавший отряд красных с пулеметом кликнул кличь “добровольцам” — розыскать Крюкова. “Крещеных” вызвалось около десятка на лошадях, розыскали его на хуторке в степи — “именем революции” арестовали — погнали в станицу, — по дороге совещались в открытую:

“— А не прикончить-ли нам тут «контру»?”

Нашелся защитник и “не прикончили” пригнали в станицу. Сидел ночь в той Тюгуле (разг. “тюрьма”. — *И. Ш.*), где когда-то “набрасывал” разсказ “В родные места” что вы читали в “Казацких мотивах”... Пешком 45 верст в Михайловку с “крещеными” встреча с Кузмичём, Здобновым[11] и случайно с каким-то комисаром, с которым вместе сидели в “Крестах”... Пустили!»

Крайне невнятное изложение. Но оставим в стороне стилистику и попробуем разобраться с фактами, приведенными в концовке этого фрагмента. Там идет речь об эпизоде ареста Ф. Крюкова в 1918 г. Этот арест упомянут не только в письме Храбровицкому. Начнем со статьи Лысенкова, где Шкуратов сообщает, что вел переписку с издательством «Художественная литература», которое выпустило десятитомное издание В. Г. Короленко (работодатель Ф. Крюкова в «Русском богатстве»): «Завязалась переписка, и в издательстве начали готовить

[11] Кузмич — *Миронов Филипп Кузьмич* (1872—1921), красный командарм, друг молодости Ф. Крюкова. Здобнов — правильно: *Сдобнов Илларион Александрович*, начальник штаба 23-й стрелковой дивизии красных.

к изданию однотомник Ф. Крюкова. Но тут закончилась хрущевская “оттепель”...» Подготовленные материалы не пропали и «вынырнули» в подходящие времена уже в издательстве «Советская Россия» в 1990 г. (Так что Крюкова при СССР все-таки успели издать.)

Лысенков пишет:

> «...в предисловии к однотомнику писателя, вышедшему в девяностом году, <...> есть описанный эпизод с арестом Ф. Крюкова в станице Глазуновская <...>. Есть там такая деталь: “В июле (? правильно: в апреле. — *И. Ш.*) 1918 года, когда красногвардейцы вошли в Глазуновскую, ему лично, как «буржую» пришлось уйти в поле с подростками — сыном и племянником. Поймали, привели в станицу, посадили как арестанта в дом станичного атамана, затем повезли в революционный центр на Дону — Михайловку”».

И далее:

> «Более чем за тридцать лет до выхода однотомника Ф. Крюкова Прокоп Иванович (странно, что он представился В. Лысенкову как Прокоп, а не Прохор. — *И. Ш.*) так рассказывал об этом эпизоде (а племянник-“подросток” был он: только вот совсем взрослый человек, видный деятель своей партии): “Нам сообщили, что в Глазуновскую идет красная сотня *под командованием Михаила Шолохова,* чтобы арестовать Ф. Крюкова. Мы переехали на отдаленный хутор. Когда вернулись, в доме все было перевернуто вверх дном, но ничего из вещей не взяли, даже пишущую машинку. Пропала только рукопись «Тихого Дона»”».

После таких фантасмагорий Шкуратова можно себе представить — какой бред нам предстоит «профильтровать». Знал бы Прохор Иванович, что в начале 1918 г. Миша Шолохов еще учился (но так и недоучился) в третьем классе гимназии города Богучара Воронежской губернии, то придумал бы что-нибудь более реальное.

И вот спустя 13 лет он пишет А. В. Храбровицкому, который пытался прояснить у него отдельные детали из жизни писателей Ф. Д. Крюкова и В. Г. Короленко. Для полноты понимания картины «адекватности свидетеля» продолжу цитировать статью Лысенкова:

> «Естественно, я задал вопрос, большая ли была рукопись (мы же знаем, что шолоховская эпопея состоит из четырех книг). “Тысяча двести страниц”, — ответил он. “Так много? — удивился я. — И вы не посмотрели рукопись?” — “Нет, не успел, — ответил мой собеседник. — Я приехал только накануне вечером из Питера, очень устал и только заметил на столе рукопись и посмотрел, сколько страниц. Думал, полистаю завтра, если, конечно, дядя разрешит. Но вот как получилось”».

Можно представить, что Шкуратов сообщил о себе Лысенкову, если тот пишет:

«Но за первые месяцы нашего знакомства я уже знал биографию моего нового знакомого, историю отсидок, встреч, бесед и споров с разными лидерами дореволюционной поры, некоторые из которых, как *Л. Троцкий,* были известны, что называется, по устной молве, но ни в каких справочниках прочесть ни о нем, ни о других, ничего было нельзя. <...> П. И. Шкуратов — один из лидеров эсерского движения, принадлежал к его центру. В силу своего положения в революционном движении он хорошо знал всех лидеров разных партий. Сам П. И. Шкуратов был идеологом центристов и резко полемизировал с коллегой по партии *Б. Савинковым,* отвергая идею террора как метод политической борьбы».

И еще ряд «побасенок», которые наговорил «свидетель» студенту Лысенкову в 1957 г.:

«Прокоп Иванович уцелел во время различных “мясорубок” 20—30-х годов, устраиваемых большевиками, не случайно его забирали всякий раз, когда начиналась очередная кампания “чистки”, будь это в период коллективизации, в тридцать четвертом после убийства Кирова, в 37—38 годах во время борьбы с троцкизмом.

Расстреляны были куда менее значимые фигуры из противников большевиков. Но Прокоп Иванович уцелел, поскольку на его деле, открытом еще в годы революции, один из ее наиболее чтимых вождей *Ф. Дзержинский* начертал на титульном листе крупными буквами: “Ликвидации не подлежит” — так высоко он ставил личные качества своего политического оппонента. “Железный Феликс” понимал, что кого-то из национальной элиты оставить России необходимо».

Прочитав эти опусы, наговоренные в 1957 г., можно заканчивать чтение более поздних воспоминаний постаревшего Шкуратова уже на первой странице... но мы, как исследователи, обязаны все проштудировать и понять — где сказана правда, а где вымысел. Ну и не все же подряд им выдумано...

Вернемся к аресту Федора Крюкова. О происходивших тогда событиях есть рассказ (публикация 1959 г. в Париже) не мнимого, а настоящего очевидца, приемного сына писателя — Петра Федоровича Крюкова, которому в 1918 г. шел 13-й год. (Петю подкинули младенцем к дому Крюкова в день рождения писателя 2 февр. 1906 г., в его метриках записана дата рождения: 30 авг. 1905 г.)

Судя по рассказу Петра Крюкова, никакого «племянника» там и близко не было. Вот выдержки:

«Отец пошел в сад, который был в долине старого рукава Салвы <...> Посередине сада был устроен летний курень — “беседка”, в одну комнату, с большой крытой террасой. Здесь летом мы ночевали с отцом. <...> С колокольни раздались крики: “Скачут в станицу конные, а с ними броневик” (т. е. броневой автомобиль-броневик). Я стоял в толпе казаков и казачек около почтового отделения, с угла на угол от нашего куреня на другой стороне майдана. <...>

С винтовками “наизготовку”, <...> с огромными красными бантами на груди, кое-кто с красной звездой на шапках, другие с красными лентами вместо кокард <...>. Лихо доскакали до почты и, увидя миролюбивую, заинтересованную толпу, красногвардейцы спешились. Подошедший открытый броневик “Грохот”, без башен, остановился против почты. Толпа окружила красных, со всех сторон сыпались вопросы и ответы, так что мне, стоявшему несколько позади, ничего нельзя было понять. Вскоре ко мне подошла одна жалмерка и, глядя в сторону, еле слышно спросила: “Батяня дома ай не?” Я ответил также тихо, что — дома.

— Беги скарейча к нему, няхай уходить иде-нибудь, за ним приехали — убить хочуть».

О развитии дальнейших событий изложено по ссылкам на историческом портале поэта Андрея Чернова «Несториана».[12] Отмечу, что во время конвоирования Ф. Крюкова в станицу ничего подобного из сказанного Шкуратовым («— А не прикончить-ли нам тут “контру”?»), не было. И даже наоборот — с Крюковым обходились вежливо:

«Глазуновцы спешились, и, ведя коней в поводу, пошли с отцом пешком к своей станице. Впоследствии отец говорил, что *относились они к нему очень вежливо* и время от времени говорили: — Федор Митревич! Ежели Вы устали, то давайте трошки присядем — подохнем.

Подходя к станице, казаки сели на коней и, держа винтовки на изготовку — “по уставу” — по два с боков и двое сзади отца, ввели его в станицу, как раз по переулку к церковному майдану по направлению к Правлению, мимо нашего куреня. Нас уже предупредили об аресте отца, и вся семья вышла ему навстречу на церковный майдан».

Вернемся к письму Шкуратова:

«Сидел ночь в той Тюгуле <...> Пешком 45 верст в Михайловку с “крещеными” встреча с Кузмичём, Здобновым и случайно с каким-то комисаром, с которым вместе сидели в “Крестах”... Пустили!»

В действительности же перед отправкой в Михайловку ни в какой тюрьме Крюков ночь не провел. В воспоминаниях Петра Крюкова об этом сказано так:

«На другой день очень рано утром на тройке почтовых лошадей к нашему куреню подъехал Назаров (урядник, выбранный станичный комиссар. — *И. Ш.*), *поздно ночью проводивший отца спать домой*. <...> С намерением же Назаров приехал за отцом, что называется “ни свет, ни заря”, чтобы никто не видал чтобы наши “большаки” не вздумали бы увязаться следом, в качестве непрошеного конвоя. Все это Назаров рассказал отцу, <...> что пока вынужден действовать скрытно».

---

[12] *Крюков Петр*. Два ареста Ф. Д. Крюкова // Казачий исторический сборник. Париж. 1959. № 9. С. 27—30; № 10. С. 16—19. URL: https://nestoriana.files.wordpress.com/2018/02/9-10.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

Теперь о том человеке, благодаря которому Федора Крюкова освободили в Михайловке. Петр Крюков пишет:

> «Приехавши в Михайловку, Назаров с отцом пришли в штаб революционных войск и Назаров сдал “отца под расписку” в “сопроводительной книге” Глазуновского правления. Но сам он остался ждать результатов при выходе из штаба. Отца ввели к “командующему революционными войсками”, и тут произошло неожиданное: командующим оказался прежний односум по “Крестам” — Каменов.
>
> — Федор Митревич!.. Какими судьбами?!..
>
> Отец рассказал все, что с ним случилось и почему он очутился тут. Каменов тотчас же написал пропуск “Гражданину Крюкову Федору Дмитриевичу, Глазуновской станицы, для свободного передвижения по территории, занятой революционными войсками”».

Очевидно, Петр Крюков ошибся в фамилии «командующего», вместе с которым писатель сидел в петербургских «Крестах».[13] Это не Каменов, а Ковалев. Равное количество слогов в фамилии, набор одинаковых букв (автор даже не уверен в последней гласной букве) оправдывают за давностью лет такую ошибку. Но в остальном сын Ф. Крюкова не ошибся, написав следующее:

> «В “Крестах” он познакомился с казаком Кременской станицы Камен*е*вым (кажется его звали Виктором), служившим в Лейб-гвардии Атаманском полку. <...> Камен*о*в, вскоре после свидания с отцом, пропал без вести».

На Виктора Семеновича Ковалева указывает исследователь «Тихого Дона» Георгий Малахов:

> «В книге под общей редакцией академика А. Н. Яковлева “Филипп Миронов и Тихий Дон в 1917—1921 году, Документы”, в разделе “Именной комментарий” на с. 731, в биографической справке по Крюкову Ф. Д. указано: “Несколько месяцев провел в «Крестах» (Вместе с В. С. Ковалевым)”».

Далее из того же источника Малахов приводит справку. Вот ее фрагменты (на с. 730):

> «Ковалев Виктор Семенович (1883—1919), из казаков ст. Кременской, нестроевой (сотенный кузнец) лейб-гвардии Атаманского полка. <...> С 14 апреля 1918 года председатель президиума ЦИК Донской советской республики, главком вооруженных сил, член Чрезвычайного штаба обороны. С мая 1918 года в казачьей секции Царицынского Совета, организа-

[13] В декабре 1907 г. Ф. Крюков был приговорен Петербургской судебной палатой вместе с другими депутатами (166 человек), подписавшими «Выборгское воззвание», к заключению на три месяца. Он отбывал срок в петербургской тюрьме «Кресты» в мае-августе 1909 г.

тор советских воинских частей в Усть-Медведецком округе. <...> Умер от туберкулеза».

Не остается никаких сомнений в личности человека, освободившего писателя из-под ареста в Михайловке, — это В. С. Ковалев. А то, что Шкуратов приписал там встречу Крюкова с Мироновым («Кузмичём») — это больше похоже на «художественный» вымысел, как и многое другое им сказанное. Правда, фантазии Шкуратова хватило лишь на «Приехавший отряд красных с пулеметом...», хотя Петру Крюкову запомнилось даже название броневика («Грохот»), на котором красные приехали в Глазуновку.

Завершу тему ареста Ф. Крюкова цитированием Прохора Шкуратова, но без комментариев — надеюсь, читатель сам сделает вывод:

> «Тут надо-бы коснуться и того, что-же делал я и Мария (младшая сестра Ф. Крюкова. — *И. Ш.*). Но это тоже длинно. Поздно вечером пришел из Михайловки и мы ждали, Совещание — что-же делать?!
>
> Сидели двое с вином и вдруг в парадную дверь — выстрел... Вот это "совещание" было просто — страшным и он говорил — говорил — разрыдался, разсказывая мне как "крещеные" тоже — "совещались"... "прихлопнуть контру"...
>
> Прокопав у соседа крышу сарая — ушли на зорьке в У-Медведицу. Вот эти два случая тоже были причиной смерти... Не могли не быть принимая в расчет художника... Я отлично понимаю что слишком куцо пишу трагические моменты жизни Крюкова, но ВРЕМЯ?!..»

Итак, мы прошли две страницы воспоминаний Шкуратова. На третьей странице идет речь об отступлении Крюкова из Новочеркасска в начале 1920 г. Напомню, что писатель был редактором новочеркасской правительственной газеты «Донские ведомости», и последняя его редакционная статья «Единое на потребу» вышла в № 290 от 21 дек./3 янв.[14] 1919/1920 года:

> «Мы преклоняемся пред этим честным, мужественным, единственно достойным сейчас призывом — не отдавать батюшки Тихого Дона, единым сердцем и единою мыслью биться за него до конца и — победить или умереть у родного порога...»[15]

Мы даже пока точно не знаем, откуда Федор Дмитриевич уходил в «отступ» — из Новочеркасска или Глазуновской станицы. Народная

---

[14] Сторонники белых не приняли в 1918 г. переход красных на григорианский календарь, и потому даты в их печатных изданиях проставлены по старому стилю. Это касается и новой орфографии — в некоторых белоэмигрантских изданиях старое правописание сохранялось вплоть до конца 1950-х гг.

[15] *Крюков Ф.* Единое на потребу // URL: http://fedor-krjukov.imwerden.de/Publicist_1917/zametki_1919_part2.htm#edinoe (дата обращения: 11.11.2023).

молва утверждает, что «от *красных гадов*»[16] писатель ушел с родного крыльца, но было это еще в октябре 1919 г. Сложившаяся позднее фронтовая обстановка не позволяет говорить, что у Крюкова была возможность вернуться домой за ценными для себя вещами в декабре. Вероятней всего, он эвакуировался из Новочеркасска. (Столица «белого Дона» была взята частями Красной армии 7 янв. 1920 г.)

Воспоминания Шкуратова по большому счету мало что проясняют, хотя есть отдельные интересные моменты. Да и доверия такому свидетелю-фантазеру мало.

> «Отступали мы с Ф. Д. три раза, но это тоже опускаю. Последний его приезд к семье был после перехода границы Донской Области. От Марии Акимовны я узнал, что из Новочеркасска он бежал в станицу Раздорскую на ДОНУ, куда уже бежал Н. П. Асеев[17] с племянницей, тогда еще 10-летней Марусей».

Разберемся в этом абзаце. Автор «капслоком» акцентирует название реки, на которой стоит станица Раздорская, так как существовала одноименная станица (сейчас это хутор Раздоры) на реке Медведице в 35 верстах на северо-восток от слободы Михайловки. Раздорская, что на Дону, находится в 40 верстах на северо-восток от Новочеркасска.

Красные наступали с запада (Ростово-Новочеркасская операция 6—10 янв. 1920 г.), поэтому с направлением бегства здесь всё логично.

Как понимать «Отступали мы с Ф. Д. три раза»? Это разные этапы его пребывания вместе с Крюковым в «отступе»? И что означает «Последний его приезд к семье был после перехода границы Донской Области»? Крюков возвращался в Глазуновскую с территории Кубани? Это очень сомнительно. Или же семья уже находилась на Кубани, а Крюков, перейдя границу Области Войска Донского, там воссоединился со своими женщинами? Пожалуй, второй вариант более правдоподобен. И такое предположение подтверждается следующими словами Шкуратова о Крюкове:

> «Скрывался с братом Маруси (Марии Акимовны Асеевой. — *И. Ш.*) и еще одним офицером, стал выходить и его узнал один Комиссар, долго с ним говорили и он — Комиссар, провел их всех троих через линию красных...»

«Скрываться» можно только на территории, занятой врагом. Значит, Крюков все же попал под «оккупацию» красных, и ему пришлось

---

[16] Из редакционной статьи Ф. Крюкова «Свидетельство документов» // Донские ведомости. 1919. 11/24 мая. № 109. С. 2.

[17] *Асеев Николай Пудович* (1871—1952) — ученый-металлург, друг и дальний родственник Ф. Крюкова; бежав от большевиков из Петрограда в Новочеркасск, более трех месяцев замещал Крюкова на посту редактора «Донских ведомостей» в 1919 г.

оттуда выходить при помощи «комиссара». И только после этого он воссоединился с семьей на еще не занятой красными Кубани.

«Всех троих» провел комиссар через линию красных. Если подразумеваются Ф. Крюков, брат Маруси и какой-то офицер, то тогда куда подевались 10-летняя Маруся с дядей Николаем Асеевым?

Почему Шкуратов пишет «*мы с Ф. Д.*», если его самого в отходе из Новочеркасска в Раздорскую не было?

То, что Ф. Крюков первоначально «бежал в Раздорскую», где уже находился Н. П. Асеев, говорит о том, что именно туда эвакуировалась редакция газеты «Донские ведомости». Это важная информация, на которую раньше внимания не обращали. Сотруднику «Донских ведомостей» П. Ф. Маргушину было неизвестно «как проводилась эвакуация газеты». Процитирую фрагмент письма американского профессора Петра Федоровича Маргушина (1895—1988) в редакцию нью-йоркской газеты «Новое русское слово»:

> «Но наступила катастрофа на фронте, и Новочеркасск должен был эвакуировать “Донские ведомости”. В те бурные дни начинавшейся тыловой разрухи эвакуация донских станиц происходила хаотически.
>
> Как проводилась эвакуация газеты, какова была участь ее архива, где Ф. Д. Крюков хранил все свои рукописи, мне не было известно, так как я получил его распоряжение отступать с частями войскового снабжения через Кубань к Новороссийску».[18]

Вернемся к абзацу из письма Шкуратова. Весьма странны его слова: «От Марии Акимовны я узнал, что из Новочеркасска он бежал в станицу Раздорскую». Если Шкуратов утверждает, что был вместе с Крюковым в нескольких «отступах» (в последнем он якобы даже похоронил писателя), то почему о первом «отступе» Крюкова в Раздорскую станицу он узнает от Марии Асеевой, а не от самого писателя, сопровождая его дальше на юг? Объясняться это может так — Шкуратовым выдумано его постоянное сопровождение Крюкова в отступе. Предположу, что мы имеем дело с неким симбиозом — в «отступе» Шкуратов с Крюковым пересекался часто, но постоянно рядом с ним не был. (Крюковы отступали в составе большой группы глазуновцев.)

Продолжим чтение письма П. Шкуратова о Крюкове в «отступе»:

> «Вот тут вскрылись и мои “семейные” отношения с семеею Крюковых: отступал я с женою — учительницей, но она отказалась ехать дальше и я перешел отступать с Крюковыми да и по ходу “отступа” это просто ИМ было нужно до зареза, Ф. Д. догадывался о наших отношениях с “бабами”, а тут он ужь увидел как я “хозяйничаю” — взбеленился: это была последняя вспышка... “Атаманского” гонора против “нахала пейзана”... В острокизме я был несколько дней — ушел к отцу брату и беженцам».

[18] Новое русское слово. 1974. 28 сент. С. 5; цит. по тексту на портале «Несториана»: URL: https://wp.me/p2IpKD-2Ji (дата обращения: 11.11.2023).

Итак, Шкуратов отступал с женой (потом она вернулась назад в Глазуновскую), отцом и братом. Где, когда и как он встретил семью Крюковых — непонятно. Как к «бабам» (очевидно, к сестре Марии и снохе Шуре) присоединился Ф. Крюков — тоже неясно.

Затем Шкуратов описывает похороны какого-то старца и поминки. То и другое с участием Ф. Крюкова. Далее приведу пространный фрагмент из воспоминаний Шкуратова:

«Пришел он уже поздно: когда все разошлись, сразу ушел в свою комнату, буркнул мне: “Ты никуда неуходи”...

Ночью сказала мне Шура: “— Сидит пишет и... плачет”...

...Думаю что и это было причиной его смерти...

Примерно две недели, до самой болезни он уже невылезал от беженцев и потом мне говорили что он уже убеждал их остаться и не бежать дальше, что и было заметно: беженцы все больше редели... Атаману приказал продать жеребцов кубанцам и не в Добровольческую армию...

...Заболел Ф. Д. примерно *в середине марта* и несколько дней перемогался на ногах, а потом слег. Отступали мы неспеша и часто останавливались на хуторах на день-два, от врачей он категорически отказался: “— ужь если я неодюжу тем что во мне есть мамино, «кухня» мне непоможет!”

Первые две недели болезни он — молчал и думал-думал... Потом был какой-то кризис и он стал вставать, ходил и все тянул меня к ветрякам, которые были на самом высоком месте откуда далеко просматривалась степь и вот тут он заговорил:

“— Заграницу! Да будь она проклята, уехать ото всего этого?!.. Ты посмотри вот на тот Курган — ведь это-же наш Пустынный! (Полагаю, курган Пустынный, с которым шло сравнение, мог быть в 9 верстах к северу от Глазуновской — на старых картах там отмечен хутор Пустынный, а на топографической карте в том районе гористая местность — до 166 м над уровнем моря. В Глазуновской 65 м. — *И. Ш.*) А помнишь как мы с тобою ходили в «походки» и у тебя ДНЕМ «полыхали зарницы» в твоем «сочинении» — импровизации «для ребятишек»? И то все бросить? Ты говорил что-нибудь с бабами? Их-то планты я знаю: французят! но ты? Мне нет дороги заграницу, да я и рылом невышел... А может и ты тоже — может «французишь», как твой друг Лева... у свиней?”

У меня небыло никаких “плантов”, да и у “баб” были разные: Маруся — за границу, а Шура в Петроград... Но я даже и задумывался: был уверен, что за границу — я тоже... “рылом невышел”... Я тогда ему ничего не сказал но меня тоже тянул Петроград и лично и партийно... Там рядом в Малой-Вишере была... “любовь-сказка”... И там было много друзей...

На другой день у тех-же ветряков он мне сказал на прямую:

“— я останусь в Екатеринодаре, директор гимназии меня хорошо знает и останусь там учителем, и Маруся останется со мною, а эту «французскую» дурь я у нея из головы выбью...” и с этого вечера у нас с Ф. Д. завелись “секреты” от баб, но чуть не через день Шура мне сказала:

“— Федя останется в Екатеринодаре и с ним останется Маруся — а мы с тобой — в Петроград? Или ты еще ничего не надума...”

А я почему — ничего небоялся и “думал” только о том как-же Ф. Д. останется?...

Так мы в несколько вояжей к ветрякам и развивали свои мечты-планы, но было и противоречие: зная его не геройский характер, я заговорил о “расплате” чего он конечно — боялся... А он заговорил о Мамонтове:

“— Надо скорее папасть в Екатеринодар: мы сговорились с Мамонтовым и он организует Казачью оборону и порвет с Добр Армией...” Когда он уезжал на фронт, говорил мне когда я собирался бежать в Раздорскую:

“— На фронте я соберу хороший «кулак» всех трех казачьих Областей (имеется ввиду территории Дона, Кубани и Терека. — *И. Ш.*), а Декларация Казачьего Командования о разрыве с Добрармией быстро долетит до большевиков и создав оборону — я с ними поторгуюсь о мире, почетном для казачества мире”...

И Крюков спешил в Екатеринодар... с двумя планами...»

Обратим внимание на следующую фразу: «Заболел Ф. Д. примерно в середине марта...» Шкуратов может ошибаться с датировкой начала болезни Крюкова, пусть это и новый стиль исчисления (плюс 13 дней от старого стиля). Получается нонсенс, ведь «красные» захватили Екатеринодар 4 (17) марта и ворвались в Новороссийск 14 (27) марта. И даже по новому стилю «середина марта» слишком далека от всех версий даты смерти Крюкова (принято считать, что это случилось 20 февр. / 4 марта 1920 г.). Шкуратов взял с потолка «середину марта», как время начала болезни Крюкова? Или нет?

Согласно воспоминаниям Шкуратова, Крюков говорил о Мамонтове во время болезни, но генерал умер в Екатеринодаре 17 янв. / 1 февр. (то ли от тифа, то ли был отравлен). Другими словами, в воспоминаниях Шкуратова есть хронологические и событийные неувязки.

На 6-й странице письма, вспоминая прошлое, Шкуратов рассказывает о приезде Мамонтова в Глазуновку в гости к Крюкову:

«Однажды я дежурил по Станичному Правлению, рано утром сидел на рундуке (ящик-сиденье. — *И. Ш.*), к коновязи напротив подскакал генерал с ординарцем, по портретам я узнал — Мамонтов. Передав коня — ординарцу он быстро пошел ко мне и я встал, Спросив кто я он сказал: “— Мне нужно видеть Секретаря Воскового Круга и я уже знаю что — Федор Дмитриевич в Станице, пошлите кого-нибудь ему сказать, что его хочет видеть Мамонтов”.

Я послал Сидельца. Мы о чем-то поговорили и я увидел что быстро бежит Крюков, бледный как-бы испуганный — быстро пошел на встречу Мамонтова, громко “по Атамански” отчеканил: “— Здравия желаю Ваше Превосходительство”... Хотя самим Кругом было отменено “Превосходительство”... Они пошли и я смотрел им вслед и мне показалось, что — Крюков перед Мамонтовым — “— петушком-петушком”... Мамонтов с большим отрядом кавалерии казачьих полков шел в свой знаменитый “рейд”».

По слову «рейд» можно определить примерное время визита Мамонтова в Глазуновку: «Конный рейд Мамонтова» — рейд 4-го Дон-

ского корпуса Донской армии Вооруженных сил Юга России был совершен 10 августа — 19 сент. 1919 г. (по нов. ст.). Хотя возникает вопрос — что делать Мамонтову у Крюкова, если свой рейд по тылам Красной армии он начал в 130 верстах к северо-западу от Глазуновки? Пить вино («батарея бутылок, прием был на много персон») с писателем, как описывает далее Шкуратов?

В конце седьмой страницы и далее следуют такие пассажи:

> «После смерти Крюкова по дороге на Екатеринодар разнеслась весть: Мамонтов умер в тот-же день что и Крюков... В Екатеринодаре я узнал от С-Р-а (эсера. — *И. Ш.*) полковника-кубанца Макаренко следующее:
>
> Мамонтов таки выступил на Активе всех трех Кругов, которые назывались "Кругами Спасения", опять потребовал разрыва с Добрармией и зачитал Декларацию от имени Командования и Кругов. Вэто заседание небыло ничего решено и Мамонтов ушел в Гостинницу, где утром и нашли его мертвым... Макаренко-же мне говорил что это дело рук "Добрармейца" генерала Покровского (очевидно, Виктор Леонидович. — *И. Ш.*), кот. ужь нельзя было повесить Мамонтова, как он повесил здесь в Екатеринодаре, Председателя Рады Рябовола[19] и священника Калабухова[20]... за призыв к "сепаратизму"...
>
> В газетах было сообщение, что Мамонтов умер от разрыва сердца, но при той почти воровской спешке, как хоронили Мамонтова — ужь никто несомневался: он был отравлен!..
>
> Там-же в Екатеринодаре я получил письмо от жены через ея знакомую Учительницу и в письме она писала что доехала в станицу и ее не только нетронули но и поселили в доме Крюковых и она уже учительствует... Письмо вызвало надежды Марии Дмитриевны (сестра Ф. Крюкова. — *И. Ш.*) и они к сожалению не оправдались... Но об этом — в другом месте, хотя если судить по роману она М. Д. была женщина более чем околоисторическая и она МНОГО сделала "по книжкам" и не только для П. К. (**П**авел **К**удинов — псевдоним П. И. Шкуратова. — *И. Ш.*)... Федор Дмитриевич слег опять, начался "возврат" Но он проходил какими то шквалами то лучше то хуже и когда было лучше он одевался потеплее и опять тащил меня на "самое высокое место" и мы говорили».

Совершенно непонятная чехарда изложения фактов — Крюков умирает, Шкуратов уже в Екатеринодаре получает от жены письмо, и оно вызвало какие-то надежды Марии Дмитриевны. Затем Крюков слег опять... И возникает вопрос — это сколько же времени Шкуратов просидел с «бабами» в Екатеринодаре, что его жена успела вернуться из «отступа» в Глазуновскую станицу, смогла поселиться в доме Крюковых, начала учительствовать и затем отправила письмо мужу через

[19] *Рябовол Николай Степанович* (1883—1919) на самом деле был убит неизвестными лицами 27 июня 1919 г. двумя выстрелами из револьвера.

[20] *Калабухов Алексей Иванович* (1880—1919), член Кубанской Рады, действительно был повешен 7 нояб. 1919 г. по решению деникинского военно-полевого суда.

свою знакомую? А ведь от Глазуновской до Екатеринодара по дорогам не менее 700 км. (Попробуй-ка доберись в то время на телегах.)

Но цитирую далее:

«Однажды он заговорил о В. Г. Короленко и Алексее Васильевиче Пешехонове:[21] "— Любил я В. Г. и... боялся! Ведь кого боишься — или презираешь или ненавидишь, а тут «любил и боялся»!.. По работе редактора беллетристического отдела я неопытный, да пожалуй и не мое это было дело — я часто делал промашки. А он?? Ты понимаешь — как он это умел — бог весть — но все разговоры оканчивались тем что у меня создавалось впечатление что он меня... похвалил за промашку... Но эта «похвала» стоила мне безсонных ночей, я спрашивал «его»: — «Кто-же ты — святой или ты ужь очень ЧЕЛОВЕК, что обычному уму просто непостижимо... Я-бы тебе много привел примеров служебных и личных и ограничусь одним: В редакции работала одна женщина замужняя и у меня с нею начался что-то вроде романа — работала она в моем отделе. Мы это скрывали и как он уловил незнаю но однажды между разговоров о чем-то он мне по «деловому» прямо смотря в мои глаза сказал:

«— Я думаю Ф. Д. перевести Н. Н. в корректорскую, так будет лучше и вам и ей»... Про меня говорят что я «замкнутый» но он В. Г. меня «разомкнул»: и я расплакался и как «на духу» ему сказал: «— Я вам В. Г. недам переводить Н. Н. но клянусь — вам матерью все будет в порядке и я сам скажу Н. Н.»...

Люди в редакции вообще были какие-то а Н. Н была особенная из особенных и она сама пошла к В. Г. Призналась во всем и благодарила что он «нас обоих — излечил и излечил так простецки»..."

...Небольшой отступ для А. В. (А. В. Храбровицкого. — *И. Ш.*): В одном из писем В. М. (В. М. Проскурин, московский журналист, земляк Крюкова. — *И. Ш.*) я писал что В. Г. Короленко проездом был в станице и В. М. мне ответил: "— А. В. день за днем проследил всю жизнь Короленко и категорически возражает: В станице даже «проездом» он — небыл"![22] Вспомнив теперь я хочу разсказать вам эту... "брехню": В одном из писем мне в Вильно (Вильнюс. — И. Ш.) Мария Дмитриевна мне писала: "— В станице проездом был Короленко и я-бы хотела что-бы ты только на него ПОСМОТРЕЛ... Я тоже почти на него «только посмотрела», но понимаешь, у меня осталось такое впечатление, будто я жила с ним годы и от этого «посмотрела» я очистилась от всякие скверны и мне кажется ужь ненадо ждать и — никакого ИДЕАЛА"...

Мне этого потом не удалось проверить, но так-ли вы уверены что В. Г. небыл в станице? Писала это мне М. Д. в 13—14 г.г. ДЛЯ МЕНЯ М. Д. уже необратимо "сложилась" как Человек и Женщина и за долгие годы я ее УЗНАЛ включая и ея как и у брата "мамины родинки", но она органически не могла быть как я "сочинительницей" и я допускаю тут только одно: Она

---

[21] О Пешехонове см.: *Шап Игорь*. Федор Крюков и редколлегия журнала «Русское богатство»: атрибуция снимка // URL: https://wp.me/p2IpKD-4lf (дата обращения: 11.11.2023).

[22] В письме стоит пометка рукой Храбровицкого со сноской: «*Так уверенно сказать не могу*».

несколько раз была в Петербурге у брата и там возможно когда “посмотреть” и Короленко и утешая меня в то время тоскующего по Идеалу ЧЕЛОВЕКА, и перенесла это “посмотрела” из Петербурга на станицу, по которой она со мною тоже тосковала...

С Марией Акимовной (ум. в 1990. — *И. Ш.*) мы в Ленинграде “пошумели” о Крюковых, но если о Федоре мы “шумели” в унисон, о Марии мы далеко разошлись: она прямо мне сказала что — не любила М. Д. и на мой прямой вопрос “ЗА ЧТО”, прямо и ответила: “— НЕСКАЖУ”!..

...Простите уже за большой “отступ” — возвращаюсь:

“То лучше, то хуже”. Сэтого времени он стал жаловаться на **боли** *в области печени* и шутя говорил:

“— Это болезнь «писательская» и как потом получилось — он неошибся... В какой-то станице, кажется это была *Ново-Корсунская* он Слег совсем, из двух подвод одна была полуфурка похожая скорее на арбу и предохраняя от толчков мы настелили все <что> можно было настелить и ехали тихо, стало уже пригревать и он все требовал: «— ПИТЬ»! Воду мешали с вином и он возбуждался и требовал меня: «— Иди рядом и нам надо поговорить” и я шел рядом».

Добавлю к этому цитату из книги исследователя Леонида Доды, где он сообщает о записях Н. А. Кручининой,[23] сделанных для А. Солженицына (она читала письмо П. Шкуратова М. Асеевой и кратко пересказала его):

«В другом отрывке из письма Н. А. Кручининой говорится: “*В Ново-корсунской 2 недели болела печень* (?), но Ф. Д. еще ходил. Поговаривали женщины о Франции. Крюков, Шкуратов хотели оставаться в России. С ними ехало несколько сундуков. Но ничего Крюков о них не говорил при болезни Шкуратову”».[24]

То есть Шкуратов не только Храбровицкому писал про боли в печени у Крюкова. Заглянув в «Википедии» в статью «Сыпной тиф», можно обнаружить, что печень там не упоминается ни разу, и наоборот, в статье «Возвратный тиф» есть следующее: в разделе «Течение болезни. Патогенез» — «Токсикоз сопровождается лихорадкой, а в селезенке и печени возникают очаги некроза»; в разделе «Клиническая картина» — «На высоте приступа появляются различной формы высыпания на коже, увеличиваются селезенка и печень, иногда развивается желтуха».

Слова Шкуратова о самочувствии Крюкова «То лучше, то хуже» можно прокомментировать цитатой из того же раздела «Клинической картины» возвратного тифа: «Приступ продолжается от двух до шести дней, после чего температура падает до нормальной или субфе-

[23] *Кручинина Наталья Алексеевна* — ленинградский терапевт, помощница А. И. Солженицына.

[24] *Дода Л. Н.* Судьба Донских архивов Пушкина и Крюкова. М.: Артегер, 2021. С. 47.

брильной и самочувствие больного быстро улучшается. Однако через 4—8 суток развивается следующий приступ с теми же симптомами».

Другими словами, есть все основания полагать, что *Федор Крюков умер от возвратного тифа.*

Далее ничего существенного Шкуратов не пишет, и его воспоминания все больше напоминают бред больного человека. Но на 12-й странице появляется некое «просветление»:

> «Но тут была и одна странность: он ниразу незаговорил о документах — рукописях, письмах — Архиве: везли мы несколько сундуков и их пришлось много таскать и однажды мы с Марией тащили один небольшой но тяжелый сундук и я спросил Марусю: "— Что это?" "— Да это тут все Федино!"
>
> Когда у М. А. (Марии Акимовны Асеевой. — *И. Ш.*) я столкнулся со стар<ым> архивом[25] и сказал о маленьком сундуке, она наговорила мне об этом — столько дедективно-фантастического, что будто-бы он<а> говорила М. Д. (сестре Крюкова. — *И. Ш.*) / Она к ней приезжала в 29 году[26] / что просто ужь для меня непонятно... Кстати сказать — Марию Дмитриевну сразу по приезде из Ленинграда в Чигонаки (хутор в семи верстах от Глазуновской станицы. — *И. Ш.*) к родным схватили — Игнатки "Куцые"[27] и отправили в Кулацкий поселок, где она вскоре и сошла с ума и ее забрали родные с Кумылженского хутора где она и умерла».

Мария Акимовна Асеева про приезд в Ленинград сестры Ф. Крюкова сочинять не будет, не тот она человек. И если такой приезд действительно имел место, то многое в описании Шкуратовым смерти писателя летит в тартарары.

В последнем процитированном абзаце очевидная ошибка или в цифре 29, или в самом факте «схватили» и последующих событиях. В обоснование приведу начало одной заметки Андрея Чернова:

> «Работая с той частью архив Федора Крюкова, которая хранится в РГБ, Михаил Михеев обнаружил, что в конце тридцатых Мария Дмитриевна Крюкова (младшая сестра писателя) находилась в полном здравии. Обнаружилось ее письмо Николаю Пудовичу Асееву, крюковскому другу, который и сохранил архив Федора Дмитриевича. Послано письмо было из города Серафимовича (так стала называться Усть-Медведицкая станица). 14 мая 1939 Мария Дмитриевна благодарит за присланные Асеевым 50 рублей и сообщает, что получила письмо от невестки (Опись ф. 654, картон 4, № 33)».[28]

---

[25] Имеется ввиду так называемый «Петербургский архив», который Крюков оставил на хранение у Николая Асеева. Последнее внесение в архив сделано весной 1917 г.

[26] Число 29 пропечатано бледно и прописано поверху рукой Храбровицкого.

[27] Очевидно, здесь «Куцые» — это прозвище жителей Вешенской станицы.

[28] *Чернов Андрей*. Найдено письмо Марии Крюковой, датированное маем 1939 года // URL: https://wp.me/p2IpKD-2XA (дата обращения: 11.11.2023).

Продолжим чтение воспоминаний:

«Так мы ехали и приехали в одну станицу. Ухало где-то далеко и Крюков воспрянул: "— Это там держит Мамонтов, давайте здесь отдохнем побольше и мне как-будто стало лучше и авось"! Отдыхали мы около недели и Крюкову правда — стало лучше и он ходил-ходил и тут произошел какой-то кризис душевный и патологический: он замкнулся и замолчал а лицо, руки стали желтеть и мы его уже "приговорили" да будто и сам себя он приговорил: все ему было безразлично и даже переменить белье была задача: "— Зачем это мне"?»

По Шкуратову получается, что генерал Мамонтов еще воевал, а Крюков уже умирал. Напомню, что генерал скончался в Екатеринодаре 17 янв. / 1 февр. 1920 г.

«И никуда ужь меня нетянул и было только две слабости: много пил воды и все требовал "подбавить" вина и всегда держал в кармане флакон хороших французских духов и то и дело на себя брызгал... случайно мне удалось открыть этот "секрет": я близко оказался к лицу Ф. Д. и он — как раз выдохнул и изо рта пахнуло страшным зловонием тлением. <...>

В белогвардейских газетах я потом читал как "много там беспокоились Крюкова и друзья принимали меры".. За всю дорогу только один раз прискакал на коне член В. К. (**В**ойскового **К**руга. — *И. Ш.*) — Синев с врачём "пришли-понюхали и ушли"... Прискакали по "ахали" и... ускакали! Да ОН с ними и нехотел говорить ужь зная свою обреченность...

В станице он сам дошел до арбы и сам и влез, а потом пришло и тряское, так мы и доехали до последняго хуторка.

Проскурин потом сбитый с толка белогвардейскими газетами — в которых "очевидцы" писали что Крюков умер в Екатеринодаре "оплакиваемый друзьями"... И долго Проскурин мне неверил.. Как и потом мне неверил, а верил белогвардейским газетам — когда писал свою статью поливая дегтем человека-деятеля — которого он СОВСЕМ незнал... А поверить мне? *Ведь я-же "беллетрист—сочинитель"*!

Я по просьбе М. А. (М. А. Асеевой. — *И. Ш.*) написал ей подробно дорогу Крюкова к смерти, написал женщине по "вопроснику" и пишу вам и говорю: По разному я написал ей и вам и если-бы кто-то еще попросил меня написать я-бы и третьему и четвертому писал... по разному... Только м. б. если "поторопит бог" в "Курганово" или Воспоминание я напишу НАСТОЯЩЕЕ...»

На 15-й странице воспоминаний:

«И так — Хуторок и... отступ! Проскурин излагал мне свое недоверие мне подсовывал мне и белогвардейские газеты: "Вот читайте точно названы координаты: «Ново-Корсунская и Екатеринодар» а вы даже неможете назвать какого-то «хуторка»". Проскурин поверил печатному.. "документу"! Ковыряя потом память я спрашивал Марусю и Шуру: — "А как называется этот хуторок"? Ни я, ни они даже и недодумали узнать его название: нам было не до ХУТОРКА!..

В хуторке имя-рек, Ф. Д. пролежал два дня небольшая комната с большим окном на юг а солнышко сияло “во всю лепоту”, хотели зашторить — отказался: “— Пусть будет солнышко”! А Ф. Д. заговорил опять... о политике! “Бабы” напустились на меня: “— Не лезь ты к нему, дай хоть умереть спокойно”! А он гнал “баб” и требовал — что-бы я к нему “лез”.. До самого последнего вздоха Ф. Д. были в памяти и памяти довольно ясной и мы говорили.

В “книжках” я где-то читал — вопервых — желания умирающего должно быть безспорным и вовторых.. вино! Хорошего “Цымлянского” мы везли порядочно а вода была с ледяного хозяйского погреба. В последний день — как это часто бывает перед смертью — ему стало значительно лучше — и он шутил: “— Я с тобою стал настоящий С-Р-болтун”... Наконец сказал: “— Налей-ка по маленькой чистого и давай стукнемся... за литературу”... И “стукнулись”! “— Чистый” ли или пришла пора но он стал угасать и та-же ясная память... А вот последние его слова были не литературные а политические: “— Как мы ошиблись в народе или народ ошибался нам доверяя”... Фразу эту он тянул долго почти по складам и ВСЕ!

Это “все” было в 11 часов дня. Гроб заказанный хозяину уже давно ждал и я взяв трех казаков-кубанцев и две бутылки цымлянского пошел искать место “Над вечным покоем” а оно ужь было намечено: *дом крайний на юг по дороге к Екатеринодару* и Ф. Д. — приподнимаясь иногда смотрел на дорогу. Что он там видел — это его тайна но выйдя за хутор я сразу определил и место: в разломистом буераке между двумя склонами виднелся как мне сказали *женский монастырек — новенький* и было сначала сунулся в этот монастырек и видимо игуменья мне — сказала: “— Мужчин мы неможем хоронить здесь, а если — хотите отпеть — отпоем”... Соблазнило меня последние но когда мы шли по дороге нас обгоняли, какие-то войска и некоторые с оружием: “— Отпевать” отставил. Нашел бугорок вернулся и всего-то я проходил видимо час-полтора, но застал посмертную трагедию: То что было писателем — Федором Дмитриевичем Крюковым — разлагалось! <...>

Солнце уже палило напрямую в окно и его распахнули и те-же казаки что копали могилу вынули Ф. Д. в большое окно и положили в гроб плотно забили гвоздями и небыло никакого “последнего целования” “Святый Боже” — “Вечная память”... СПЕШИЛИ!

А поведение “баб” Мое? Мне “наблюдать” было некогда и только мельком их видел: они были страшные, растерянные — убитые и даже небыло никаких слез. Надо было суетиться т. к. по Шляху валил народ и войска и “ухало” уже нетолько сзади но и по сторонам и им ужь наверное мерешилась “ловушка”: они ЖИВЫЕ смертельно боялись! Устьмедведицкий возчик “Григорич” уже стоял навыезде с двумя подводами но гроб поставили на дроги — хозяина — тронулись: впереди подводы а сзади дроги с гробом и... процессия — Маша, Шура и я! И эту “процессию” — обгоняли, снимали шапки — крестились и скакали в намет: гроб видимо напоминал что там сзади и по бокам тоже... гроб!..

Но вот она и могила! “Григорич” свернул с Шляха то<.>но в сторону и не поехал к монастырьку, держал подводы на “взводе” — бежать... У могилы бабы прорвались: упали на бугор земли — разрыдались, что-то голосили “по мертвому”, а рабочие стояли “наизговке” с лопатами и указывали

на Шлях: надо спешить! Маруся и Шура поднялись сцепились отошли в сторону *присели на траву* — опустив в колени головы — растрепанные жалкие "сиротки" всхлипывали иногда смотрели на меня а мне их было замечать — некогда: Хозяин привез две краски — черную и красную и — пока зарывали могилу я писал на кресте, по верхней прямой — перекладине креста — написал красною краской: "Ф. Д. Крюков". На заранее прибитой полосе жести написал: "Ненавидя и любя слезами горькими — оплакивал я тебя — МОЙ Край Родной"! (Из стихотворения в прозе "Край Родной").[29]

Рабочие закопали поставили крест — подняли лопаты уходить. Я дал им "колокольчиков" и они пошли — почти бежали... Я подошел к "бабам" и они сидели так-же об<...>шись и опустив головы в колени безмолвно рыдали — вздрагивали... Я их поднял сказал Марусе: "Пойдем с тобой к Монастырьку"! Шура бросилась к могиле заголосила... "Фребеличка"! — "Генеральская дочка"...

А у меня как и всегда в таких случаях удивительное спокойствие и ДЕЛО! По дороге к Монастырьку Маруся было разрыдалась: "— Что-же мы будем делать... без него"?!... Я почти заорал на нее: "— ЖИТЬ, понимаешь — Жить а теперь делать дело"! Она опешила и даже как будто обрадовалась: "— Какое-же мы с тобою будем делать дело в Монастырьке"? Видимо инстинктивно смотрела на Шлях где все бежало... Я ей рассудительно об'яснил наше дело и она страшная и прекрасная поняла в этом какую — надежду...

От угла цементного фундамента монастырька мы отмеряли — чуть-ли не как в Строю 90 шагов до могилы и я им обоим сказал: "— Оглядитесь кругом и запомните приметы и мы когда-нибудь увезем ЕГО в станицу и там мы пропоем Ему «Вечную ПАМЯТЬ"!.. Постояли "огляделись" и Маруся уже спокойно сказала: "— Да тут почти все такое как у НАС у Ближнего и Монастырек"! А Григорич уже что-то махал фуражкой — кричал и Шура побежала к подводам и они подводы тихо поехали. Мы с Марусей шли молча *по зеленой траве* (какой же это был месяц? — *И. Ш.*) — наизволок и наметили самую высокую точку взгорья и шли — иногда останавливались — оглядывались на крест и он крест — становился все меньше и меньше... А подводы остановились на намеченной нам "точке" откуда уже спуск с изволока по Шляху на Екатеринодар... Догнали подводы, а Шура стояла — во весь рост на каком-то сундуке — плакала и смотрела ТУДА, где под крестом лежал ОН "Строгий деверь"... Она ведь только и всего "— Сноха" и "грешная сноха", но "весь рост" стояло прекрасное изваяние ВЕЛИКОЙ СКОРБИ о НЕМ — "строгом девере" которого иногда в шутку называла и "брюзгою Свекром"... А ОН подконец тоже — понял... "Обвал" а при Обвале позволено... многое ей здоровущей женщине за 30 лет... Он который тоже много — любил "по грешному"... Маруся стояла рядом со мною и тоже смотрела ТУДА, стояла положив мне на плечо руку, почти — "узаконенная"... А я смотрел На Шуру — Великую Скорбь — и она выростала во что-то ужь совсем "по ту сторону — добра и зла" и хотелось

[29] Полная фраза: «Во дни безвременья, в годину смутную развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой край родной...» (Донская волна. 1918. 26 авг. № 12. С. 1).

ей крикнуть как Марусе: "— Будем ЖИТЬ Шура и нет никакого греха когда ты такая прекрасная в этой твоей ВЕЛИКОЙ СКОРБИ"...

Стояли мы на второй подводе в сторонке от Шляха и нас — обгоняли-спешили и Григорич что-то показывая на зад где что-то "ухало".. Посмотрели в ПОСЛЕДНИЙ раз едва маячащий крест: "—ПРОЩАЙ"!..

Григорич соскочил тронул лошадей на Шлях... и Под горку ВСЕ скрылось и уже поскакали и мы... КОНЕЦ!

П. И. Шкуратов».

Далее шариковой ручкой (зеленая паста) написано: «21. 7. 70 г.».

И ниже рукой Храбровицкого (синяя паста): «(гор. Михайловка, Волгоградской области)».

* * *

Итак, какие могут быть противоречия с известными фактами? Приведу самые очевидные. Почему Шкуратов в последнем отступе не упоминает двух малолетних детей Шуры? Она ушла в «отступ» без детей? Младшей дочери Вере в то время было около шести лет,[30] а сын Дмитрий был первенцем, значит постарше. А ведь Шура планировала оказаться со временем в Петрограде. Однако есть версия, что дети остались под присмотром сестры Ф. Крюкова Евдокии в Усть-Медведицком женском монастыре.

Следующий вопрос — неужели уже выросшему Дмитрию Александровичу Крюкову его мать (Шура) не рассказала все про обстоятельства смерти дяди Феди? А ведь у него в Ростове-на-Дону вплоть до 1974 г. хранились картонные коробки с бумагами писателя (в дальнейшем они попали в различные госархивы). Нам известно, что Д. А. Крюков активно общался с ленинградскими родственниками Николая Пудовича Асеева, пытавшимися узнать обстоятельства смерти Ф. Крюкова, но так ничего и не прояснилось.

Есть еще одна заслуживающая внимания деталь — Шкуратов, описывая похороны Крюкова, дважды упоминает «траву», причем не прошлогоднюю — «шли молча по зеленой траве». Решил заглянуть в архив погоды.[31] Оказывается, в Краснодаре в феврале 1920 г. средняя температура была минус 7,1°С, что является аномально низким значением для тех мест. Но ни о какой морозности в воспоминаниях речь не идет даже косвенно.

Резюмируем. Свидетель из Шкуратова получается ненадежный. Его воспоминания оставляют больше вопросов, чем ответов. Ничего не проясняется, а только запутывается. Создается впечатление, что

---

[30] Из статьи Петра Крюкова «Два ареста Ф. Д. Крюкова», где события происходят в 1918 г.: «Отец обнял нас всех, потом взял на руки пятилетнюю племянницу Верочку, свою крестницу, младшую дочь своего меньшего брата Александра, последнего по рождению в семье, и дошел до куреня».

[31] См.: Летопись погоды в Краснодаре // URL: http://www.pogodaiklimat.ru/history/34927.htm (дата обращения: 11.11.2023).

автор хочет поднять собственную «значимость», сделав себя человеком, похоронившим Федора Крюкова. Но отметать эти «воспоминания» ни в коем случае нельзя, ибо они основаны на реальных событиях. И в этом их ценность. Другое дело — в какой степени и в каких местах они «додуманы» автором. Это все еще предстоит выяснить.

При большом желании местным краеведам следует по «приметам» Шкуратова проверить — существовал ли в описанных местах (от Новокорсунской станицы «по дороге на Екатеринодар») в то время «женский монастырек», и при положительном результате можно даже попытаться вычислить «бугорок», где был захоронен Федор Крюков. Если, конечно, Шкуратов все это не сочинил...

Благодарю за предоставленные материалы и оказанную помощь при подготовке этой публикации сотрудника Рукописного отдела Пушкинского Дома Александра Владимировича Дубровского (хранитель пушкинианы) и поэта Андрея Юрьевича Чернова.

P. S. На портале Андрея Чернова «Несториана» будет размещена обширная публикация о различных версиях смерти Федора Крюкова, о моих разысканиях в интернете на «базе» воспоминаний Шкуратова потенциального места захоронения писателя, о вероятном времени его кончины.[32]

P. P. S. В ОР РГБ (ф. 838, карт. 20, ед. хр. 9) обнаружились воспоминания П. Шкуратова (без концовки, ровно на 100 страницах), видимо, написанные параллельно с подготовкой аналогичных «мемуаров» для журналиста Виталия Матвеевича Проскурина, который собирал материалы о своем земляке писателе Ф. Крюкове. Там Шкуратов называет свой возраст — 74 года, а значит, можно датировать эти записи 1963 годом. Вот ряд заслуживающих внимания уточнений и дополнений, вынесенных оттуда.

1. Высказанное сомнение, что П. Шкуратов доводился племянником Ф. Крюкову, подтвердилось, ибо на стр. 3 автор пишет:

> «Я станичник, друг, ученик, соратник Крюкова, <...> Я был близок к Крюкову с девяти лет, сначала как, “читатель” его “книжек” из Библиотеки, а затем уже взрослый и всячески выросший, под большим его влиянием».

О «племяннике» упоминания нет, то есть Шкуратов в общении с Виктором Лысенковым выдумал про свое родство с Крюковым.

2. Шкуратов сообщает, что закончил «полстароверской “гимназии”» (на с. 5). Закавыченное последнее слово означает, что это была

[32] Когда данная публикация прошла редакционно-техническую подготовку и должна была отправиться в верстку, мы получили от автора, И. Е. Шапа, письмо от 11 ноября 2023 г. с важным дополнением к его материалу, которое приводим ниже. — *Ред.*

все-таки глазуновская старообрядческая школа. Значит, учился он от силы год-полтора.

3. На с. 46—47 есть упоминание о приездах в гости к Крюкову в Глазуновскую ряда писателей:

> «Большой фурор произвел в станице приезд постоянного сотрудника «Русского Богатства», живущего в Лондоне русского еврея, писавшего под псевдонимом *Дионено* (Исаак Владимирович Шкловский. — *И. Ш.*) <...> Одно лето долго жил *Н. Ф. Анненский,* и я один раз видел его только мельком... <...> Часто бывал *Серафимович,* и Мария Дмитриевна особенно за ним ухаживала, что видел и я один раз...»

4. На с. 49 Шкуратов называет Крюкова редактором областной газеты «Вольный Дон», что говорит о плохой информированности или памяти «мемуариста». (Крюков возглавлял «Донские ведомости».)

5. На с. 60 есть довольно «туманная» информация об уходе Крюковых в отступление:

> «Раннею осенью 1919 года я опять оказался на Царице (что это? — *И. Ш.*). В этот раз в отступ пошло уже гораздо меньше, но какое-то время на Царице сложился тот же привычный быт, правда уже без браги и хождения по дворам. Крюковы первое время “отступили” в Усть-Медведицу и жили у своих родных. Выехали они на двух парных подводах, с громоздким багажом и ребятишками, Петушком и Митей. Но Усть-Медведица вскоре стала обстреливаться, и они тоже пробрались на Царицу. Но Петушка и Митю они туда не привезли: Петра Крюков забрал в Новочеркасск, а Митя, как я догадываюсь, попал к Дуне в Монастырь. Через некоторое время я узнал, что Александр умер, и Дуня осталась в монастыре...»

6. На с. 64 Шкуратов передает слова, сказанные ему Крюковым:

> «— Кажется, я один там “в верхах” не научился играть “в клетки”, может быть потому, что я — “шпак”. *Деникин* был в Новочеркасске, и я сам брал у него интервью. Принял меня в каком-то стареньком халате, за чаем, один, и на столе стоит большой глобус. Простенькое лицо, седенькая бородка клинушком, очень красивые, пухлые, белые, женские руки. Ну, как говорят у нас, “истованный” директор гимназии Антон Иванович. У меня были подготовлены вопросы, и я было вынул блокнот. А он замахал руками:
>
> — Давайте лучше просто поговорим! Вы ведь учитель, а я всю жизнь мечтал быть учителем, а вот в третий раз — главнокомандующий.
>
> Поговорили с ним просто, по-интеллигентски, по-русски, со старинным шумом — обо ВСЕМ, но ушел я от него с тяжелым чувством: он тоже “играет в клетки”...»

7. Судя по воспоминаниям Шкуратова, путь Крюковых в отступе пролегал из Усть-Медведицкой в южном направлении через Обливскую станицу (воспоминания обрываются в том месте) на Цымлу

(ныне город Цимлянск) и далее планировалось идти на запад через Семикаракорскую станицу.

Библиографический список

1. *Крюков П.* Два ареста Ф. Д. Крюкова // Казачий исторический сборник. Париж, 1959. № 9—10.
2. *Крюков Ф.* Свидетельство документов // Донские ведомости. 1919. 11/24 мая. № 109.
3. *Кузнецов Ф. Ф.* Судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
4. *Солженицын А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2009. Т. 16: Красное колесо. Узел IV, кн. 2.
5. *Храбровицкий А. В.* Очерк моей жизни. Дневник. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.